

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

9 АВГУСТА.

№ 32

1915 ГОДА.

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ

по сочиненіямъ А. П. Чехова.

Вопросъ о смыслѣ жизни—одинъ изъ главныхъ вопросовъ для мыслящихъ людей. Человѣкъ, какъ нравственно-разумное существо, долженъ не просто существовать на землѣ, наравнѣ съ животными, но осмысленно жить, направляя свою волю къ достиженію высшихъ цѣлей.

Сложна и многообразна человѣческая жизнь, до безконечности различны ея проявленія. Это можно сказать какъ о жизни всего человѣчества, такъ и о жизни каждаго человѣка.

Одной изъ важныхъ задачъ человѣческаго ума всегда было рѣшеніе вопроса о смыслѣ жизни, отысканіе общей идеи, которая направляла бы человѣческую жизнь къ извѣстной определенной цѣли, придавала бы ей (жизни) единство. Необходимость такой общей идеи жизни глубоко чувствовалась мыслящими людьми всѣхъ эпохъ и народовъ.

Болѣ сильные умы, наблюдавшіе жизнь въ широкомъ масштабѣ, рѣшали вопросъ о смыслѣ жизни не только для себя лично, но и для другихъ; менѣ сильные стремились удовлетворить своимъ рѣшеніемъ только свою тревожную мысль, оправдать свою жизнь, дать ей то или иное направленіе. Но если различные философы и просто мыслящіе люди не сходятся между собой въ рѣшеніи вопроса о смыслѣ жизни и часто высказываютъ даже противоположные взгляды, то несомнѣнно одно, что въ человѣкѣ, какъ разумномъ существѣ, есть непреодолимая потребность въ общемъ руководящемъ началѣ жизни. Эта потребность бываетъ такъ сильна, что нѣкоторые люди съ нервно-повышенной настроенностью, не находя отвѣта на мучительный вопросъ: зачѣмъ жить, подъ вліяніемъ какихъ-либо обстоятельствъ жизни, насильственно прерываютъ свою жизнь, такъ какъ безъ сознанія смысла ея она для нихъ невыносима.

I.

Отрицательная сторона въ рѣшеніи вопроса о смыслѣ жизни. Пошлость жизни. „Въ родномъ углу“. (Сельское помѣщичье общество). „Моя жизнь“ (городское общество). Представители пошлой, безыдейной жизни: Ариадна (въ рассказѣ того же названія), докторъ Вещповъ („Въ родномъ углу“), докторъ Старцевъ („Юнычъ“).

Посмотримъ, какъ рѣшается вопросъ о смыслѣ жизни у нашего писателя А. П. Чехова.

Чеховъ, раскрывая предъ нами русскую жизнь во всей сложности ея, во многихъ своихъ произведеніяхъ изображаетъ душевное состояніе человѣка въ зависимости отъ того или иного рѣшенія имъ жизненной задачи. Къ положительному рѣшенію вопроса о смыслѣ жизни мы подойдемъ постепенно, начиная съ отрицательной стороны.

Въ изображеніи пошлой безыдейной жизни у Чехова мы замѣчаемъ нѣкоторую градацію: отъ безпросвѣтной, бессознательной пошлости до сознанія ея.

Примѣромъ пошлой жизни людей, нисколько не сознающихъ этой пошлости, является рассказъ: „Въ родномъ углу“. Здѣсь представлено сельское помѣщичье общество равнодушныхъ беззаботныхъ людей, незнающихъ никакихъ серьезныхъ интересовъ, живущихъ такъ, какъ-будто „у нихъ нѣтъ ни родины, ни религіи, ни общественныхъ интересовъ“¹⁾. Пошлая безыдейная жизнь городского общества представлена въ рассказѣ „Моя жизнь“. По словамъ рассказчика, во всемъ городѣ не было ни одного честнаго человѣка. Взятничество было самымъ распространеннымъ общественнымъ порокомъ. Всѣ городскіе обыватели погрязли въ тинѣ пошлаго мѣщанскаго существованія²⁾. На общемъ фонѣ пошлой безыдейной жизни выдѣляются нѣкоторыя личности своею бессознательной пошлостью и безпринципностью. Онѣ встрѣчаются какъ среди женскаго, такъ и мужскаго общества. Таковы, напр., Аріадна (въ рассказѣ того же названія), докторъ Нещаповъ (въ рассказѣ „Въ родномъ углу“) и др.

Аріадна — пустая женщина, не имѣющая нравственныхъ понятій, ищущая только удовольствій. Грубая натура, лишенная нѣжной женственности и нравственной чистоты, она любила грубыя развлеченія, напр., бои быковъ, любила читать про убійства и сердилась, когда подсудимаго оправдывали. Почти все время она проводила во снѣ, ѣдѣ и гуляньѣ. Ложь, лукавство — главныя свойства ея характера. Въ ней вѣтъ внутренней раздвоенности, нѣтъ сознанія незаконности своей пошлой животной жизни. Не лучше Арі-

1) „Въ родномъ углу“ XI т. 48 стр.

2) Мѣщанство, пошлость жизни, отсутствіе какихъ-либо идеаловъ — эти черты большинства русскихъ людей должны быть отнесены, конечно, на счетъ той эпохи, въ которой жилъ Чеховъ, главнымъ образомъ эпохи 80-хъ годовъ нашего „безвременья“.

адны Ольга Дмитріевна (въ разсказѣ „Супруга“), невѣрная жена, хитрая женщина.

Представитель мужского безыдейнаго общества—докторъ Нещаповъ. Онъ не считаетъ медицину своимъ главнымъ дѣломъ, взявъ на заводѣ пай и сталь однимъ изъ хозяевъ его (завода). Кромѣ этого пая, его ничто не интересуетъ. Онъ уже давно ничего не читалъ и читать не хочетъ.

Таковъ же докторъ Старцевъ (въ разсказѣ „Іонычъ“). Но въ немъ есть уже тѣнь сознанія пустоты своей жизни, хотя и очень слабая. Онъ какъ бы съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ говоритъ о себѣ Екатеринѣ Ивановнѣ: „Вы спрашиваете, какъ мы проживаемъ тутъ? Да ни какъ. День да ночь,—сутки прочь. Жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей.

Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?«³⁾ Но въ общемъ Старцевъ нисколько не выдѣляется изъ среды городскихъ обывателей, которые „ничего не дѣлали и не интересовались ничѣмъ“⁴⁾. А когда-то онъ былъ выше этой среды: онъ жаловался на жизнь, на людей, въ обществѣ говорилъ о необходимости труда въ жизни, любилъ говорить о своей больницѣ, въ первое время своей службы былъ такъ преданъ своему дѣлу, что не могъ выбрать свободнаго часа, чтобы поѣхать въ гости. Теперь же каждый вечеръ онъ въ клубѣ. Отъ прежняго увлеченія службой не осталось и слѣда. Онъ интересуется только бумажками, которыя съ такимъ удовольствіемъ вынимаетъ изъ кармановъ по вечерамъ. Живется ему скучно, потому что нѣтъ у него интереса къ дѣлу.

³⁾ „Іонычъ“ т. XII, стр. 57

⁴⁾ стр. 54.

Совнание пошлой, безыдейной жизни у нѣкоторыхъ представителей ея и стремленіе ихъ освободиться отъ такой жизни. Лаевскій („Дуэль“). Вѣра Кардина („Въ родномъ углу“). Софья Львовна („Володя большой и Володя маленькій“). Жмухитъ („Печенѣгъ“). Никитинъ („Учитель словесности“). Лиза Ляликова („Случай изъ практики“).

Въ безыдейномъ обществѣ не всѣ таковы, какъ Ариадна, Нещиповъ и Старцевъ. Многіе явно сознаютъ пошлость своей жизни, осуждаютъ ее и стремятся такъ или иначе освободиться отъ нея. Такимъ, напр., представленъ Лаевскій въ повѣсти „Дуэль“⁵⁾. Лаевскій—образованный человѣкъ, окончившій филологическій факультетъ. Онъ служитъ по Министерству финансовъ. Въ его жизни нѣтъ идеи. Это доказывается уже самымъ выборомъ службы, несоотвѣтствующей его специальному образованію. Жизнь его протекала пошло: „Лаевскій пилъ много и не во время, игралъ въ карты, презиралъ свою службу, жилъ не по средствамъ“⁶⁾. Но, будучи безыдейнымъ, живя пошлой жизнью, онъ обвиняетъ себя въ томъ, что у него нѣтъ идеаловъ и руководящей идеи въ жизни⁷⁾, онъ ясно сознаетъ, что онъ пустой, ничтожный, падшій человѣкъ⁸⁾, что продолжать такую жизнь, какъ это—подлость и жестокость⁹⁾. „Что въ моемъ прошломъ не порокъ?“—спрашиваетъ онъ себя. Служеніе обществу? Это обманъ, потому что на службѣ онъ ничего не дѣлалъ, жалованье получалъ даромъ, и служба его—это гнусное казнокрадство, за которое не отдадутъ подъ судъ. Онъ не участвовалъ въ общей жизни людей, былъ равнодушенъ къ ихъ страданіямъ, идеямъ... Онъ не сказалъ людямъ ни одного добраго слова, не написалъ ни одной полезной, ни пошлой строчки, не сдѣлалъ людямъ

⁵⁾ VIII т.

⁶⁾ „Дуэль“ VIII т. стр. 25.

⁷⁾ стр. 28.

⁸⁾ стр. 65.

⁹⁾ стр. 29.

ни на одинъ грошъ, а только ѣлъ ихъ хлѣбъ, увозилъ ихъ женъ... Ложь, ложь и ложь.

Подъ вліяніемъ страха смерти, который онъ испыталъ на дуэли съ презиравшимъ его человѣкомъ (фонъ-Кореномъ), онъ измѣнилъ свою жизнь: прекративъ разгульный образъ жизни, занялся работой. Жизнь его стала порядочной. Придастъ ли онъ ей какой-либо идейный смыслъ—неизвѣстно.

Лаевскій подѣ вліяніемъ страха смерти рѣшилъ измѣнить свою жизнь. Нѣкоторыя же личности, сознавая всю пошлость своей жизни, бывають не въ состояніи сдѣлать этого: одни потому, что слишкомъ сильно вліяніе на нихъ пошлой среды, другіе не находятъ поддержки и совѣтовъ со стороны людей, къ которымъ обращаются за этимъ, третьи не знаютъ, какъ освободиться отъ пошлости жизни.

Атмосфера безыдейности, пошлости и грубости жизни иногда бываетъ такъ густа, что чрезъ нее не проникаетъ свѣтлый лучъ какой-либо благородной идеи. Часто случается, что свѣтлый лучъ какой-либо идеи мерещится юной личности, еще не совсѣмъ окутанной мракомъ пошлости, и эта личность стремится выйти изъ окружающаго ее мрака и жить въ свѣтлой идейной атмосферѣ, но окружающая тьма скрываетъ отъ ея взгляда блеснувшій лучъ, и благородный порывъ остается неосуществленнымъ. А когда ясный лучъ идеи исчезнетъ изъ поля зрѣнія, то его трудно найти потомъ, и юная личность остается навсегда погруженной во мракъ общей пошлости.

Такъ случилось съ интеллигентной дѣвицей Вѣрой Кардиной въ разсказѣ „Въ родномъ углу“. Пріѣхавъ въ свое родовое имѣніе, она вошла въ кругъ людей ничтожныхъ, безыдейныхъ, проводившихъ время въ пустыхъ развлеченияхъ. Это общество не удовлетворяло ея, но, спасаясь отъ скуки, она вращалась въ немъ довольно долгое время, хотя всякій разъ, уѣзжая изъ гостей съ досадою, давала себѣ

слово сидѣть дома. Она выписывала книги и журналы и по долгу читала ихъ, прерывая это чтеніе размышленіями о томъ, что дѣлать, куда дѣваться. Потребность въ идейной жизни сильно чувствуется ею, но она не знаетъ, какое дѣло избрать себѣ. Ей приходитъ на мысль высокой подвижъ служенія народу, просвѣщенія его. „О, какъ это, должно быть, благородно, свято, картинно—служить народу облегчать его муки, просвѣщать его“¹⁰⁾, думаетъ она. Но Вѣра не знаетъ народа. „Онъ чуждъ ей, неинтересенъ; она не выноситъ тяжелого запаха избъ, кабацкой брани, немыхъ дѣтей, бабьихъ разговоровъ о болѣзняхъ“¹¹⁾.

При этомъ она считаетъ лицемѣріемъ учить мужицкихъ дѣтей въ то время, какъ ея тетя получаетъ доходъ съ тракторовъ и штрафуетъ мужиковъ. „И школы и разговоры о невѣжествѣ (размышляетъ она)—это для того только, чтобы заглушить совѣсть, такъ какъ стыдно имѣть 5 или 10 тысячъ десятинъ земли и быть равнодушнымъ къ народу“¹²⁾. Она перебираетъ другія служебныя положенія. Ей хочется дѣлать что-нибудь такое, на что уходили бы всѣ силы физическія и душевныя, чтобы она могла утомляться и потомъ крѣпко спать ночью. Но она не знаетъ, что дѣлать; съ чего начать. Очевидно, идейная жизнь ей не по плечу. Не только служить народу, нести подвижъ самоотверженія, она даже гуманно обращаться съ простымъ народомъ не умѣетъ: кричитъ на свою прислугу, когда та пришла убирать комнату. Заторопившись отъ этого окрика, прислуга уронила часы на коверъ, и Вѣра ввѣ себя, дрожа всѣмъ тѣломъ, кричитъ: „Розогъ! Бейте ее!“ Она испорчена грубою дворянско-крѣпостническою средою, воспиталась на примѣрахъ грубаго обращенія съ народомъ своего дѣдушки. Являясь

¹⁰⁾ „Въ родномъ углу“ XI т. 49 стр.

¹¹⁾ 49 стр.

¹²⁾ 49 стр.

свидѣтельницей несправедливости своей тети къ слугѣ-солдату, она не можетъ протестовать, какъ ни возмущается этимъ ея сердце.

Борьбу съ крѣпостническими приемами дѣдушки и тети она считаетъ бесполезной. Словомъ, она является созданиемъ своей среды. Единственный выходъ изъ своего положенія Вѣра находитъ въ замужествѣ съ пустымъ, безыдейнымъ докторомъ Нецаповымъ.

Такъ сильно было вліяніе пошлой крѣпостнической среды, воспитавшей Вѣру на примѣрахъ безчеловѣчья, что она, при всемъ благородствѣ своего намѣренія служить народу, при своемъ негодованіи на тетю за ея несправедливость къ слугѣ, является такой же грубой личностью, какъ ея дѣдушка и тетя. Вся разница только въ томъ, что тѣ были безсознательно грубы, а Вѣра сознаетъ свою грубость, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сознаетъ и свое безсиліе освободиться отъ нея.

Другой примѣръ показываетъ намъ безпомощность личности въ борьбѣ съ пошлой жизнью, при отсутствіи поддержки и совѣтовъ со стороны другихъ лицъ.

Дочь военного доктора, Софья Львовна (въ рассказѣ „Володя большой и Володя маленькій“), вышедшая замужъ за полковника по расчету, ведетъ разгульную и веселую жизнь. Но въ ней есть сознаніе несоотвѣтствія такой жизни съ истинной, трудовой. На раздумье о своей жизни наводитъ ее поѣздка въ монастырь, гдѣ живетъ ея сестра.

Эта чисто случайная поѣздка, авившаяся результатомъ простой прихоти ея во время катанья, произвела на нее столь сильное впечатлѣніе, что ее начинаетъ тревожить мысль о смерти, о расчетѣ съ жизнью, о душѣ. „Но вѣдь Богъ есть, навѣрное есть, и я непременно должна умереть, значить, надо рано или поздно подумать о душѣ, о вѣчной

жизни“¹³⁾—говоритъ она себѣ. Въ ней возникаетъ сильное желаніе начать новую жизнь. Она высказываетъ это желаніе любимому человѣку, Владимиру Михайловичу, другу дѣтства, надѣясь найти въ немъ, какъ въ образованномъ человѣкѣ, помощь себѣ въ этомъ духовномъ дѣлѣ. Она говоритъ ему: „Если бы вы знали, какъ мнѣ хочется измѣниться, начать новую жизнь! Я съ восторгомъ думаю объ этомъ. Быть хорошимъ, честнымъ, чистымъ человѣкомъ, не лгать, имѣть цѣль въ жизни...“¹⁴⁾ „Научите меня... Мнѣ не легко живется... Научите же... Скажите мнѣ что-нибудь убѣдительное...“¹⁵⁾. Но этотъ призывъ ея о помощи въ въ духовномъ дѣлѣ совершенно непонятенъ эгоисту-умнику. Онъ относится къ ней, только какъ къ женщинѣ, не обращающаю вниманія на ея серьезные запросы.

Не получивъ отвѣта на запросы своей души, не найдя указанія, какъ измѣнить свою жизнь, она не могла исправиться, и „жизнь ея пошла по-прежнему, такая же неинтересная, тоскливая и иногда даже мучительная“¹⁶⁾.

Сознаніе необходимости измѣнить свою жизнь, потребность въ идейной жизни свойственны не только образованнымъ и богатымъ людямъ, какъ напр., Лаевскому, Вѣрѣ Кардиной, Софѣ Львовнѣ, но и простому малообразованному человѣку, напр., отставному казачьему офицеру Жмухину („Печенѣгъ“ XI т.). Ему хотѣлось на старости остановиться на какой-нибудь одной мысли, непохожей на другія, значительной, которая была бы руководствомъ въ жизни, хотѣлось придумать для себя какія-нибудь правила, чтобы жизнь свою сдѣлать серьезной, глубокой. Хотя онъ недалекій, малообразованный человѣкъ, однако не чуждъ

¹³⁾ Т. X, стр. 10.

¹⁴⁾ Стр. 13.

¹⁵⁾ Стр. 12.

¹⁶⁾ Стр. 14.

сознанія необходимости измѣнить свою жизнь. Онъ размышляетъ о томъ, что хорошо бы, въ виду близкой смерти, ради души, прекратить праздность, которая такъ незамѣтно и безслѣдно поглощаетъ дни за днями, годы за годами. Только онъ не знаетъ, какъ это сдѣлать, что для этого предпринять: отказаться ли ему отъ мяса, отъ разныхъ излишествъ, придумать ли для себя какой-либо подвигъ, напр., пойти пѣшкомъ куда-нибудь далеко-далеко. Но, каковы бы ни были его размышленія, они характеризуютъ его какъ человѣка, чувствующаго несоотвѣтствіе своей жизни съ какой-то высшей идеей. Онъ желаетъ найти какую-либо идею въ жизни, „на чемъ-нибудь успокоиться, чтобы не такъ страшно было умирать“¹⁷⁾.

Приведенные примѣры сознанія въ некоторыхъ людяхъ пошлости своей жизни убѣждаютъ насъ въ томъ, что жизнь безыдейная тяжела и невыносима для нравственно-чуткаго человѣка. Если бываютъ періоды въ жизни человѣка, когда онъ, увлеченный какой-либо эгоистической цѣлью, не чувствуетъ разлада въ своей душѣ, то это только до извѣстнаго времени. Рано или поздно заговоритъ совѣсть въ человѣкѣ, не потерявшемъ ее. Такъ, именно, случилось съ Никитинымъ въ рассказѣ „Учитель словесности“.

Никитинъ достигъ желаемого счастья: хорошаго положенія, матеріальнаго обезпеченія, спокойной семейной жизни. Онъ гордится тѣмъ, что это счастье создалъ самъ и потому владѣть имъ по праву. Во всемъ прошломъ своемъ, въ невзгодахъ прежней жизни: сиротствѣ, бѣдности, несчастномъ дѣтствѣ, тоскливой юности онъ видѣлъ только путь, которымъ онъ шелъ къ своему настоящему счастью. Но счастье его было мѣщанское, пошлое: кромѣ сытости, жизненнаго удобства, пустыхъ развлеченій, недостойныхъ

?) „Печенѣтъ“ т. XI, 57 стр.

образованнаго человѣка (игра въ винтъ), жены хозяйки, расчетливой и скупой, оно ничего высшаго въ себѣ не заключало. Однако, это мѣщанское счастье не могло совѣмъ затянуть въ себя, какъ топкое болото, Никитина. Ступивъ въ это болото, онъ скоро почувствовалъ, что почва подъ нимъ насыщена влагою пошлости. Интеллигентность его пробудилась въ немъ и сознание открыло ему, что такая жизнь, чуждая высшаго, идейнаго смысла, не соответвуетъ высокому призванію педагога. Находясь на вершинѣ своего эгоистическаго счастья, онъ думаетъ о томъ, что кромѣ ограниченнаго мірка его тихаго семейнаго счастья, есть еще другой міръ, міръ труда, какъ физическаго, такъ и умственнаго, въ которомъ человѣкъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. работаетъ, утомляется, страдаетъ, забываетъ о самомъ себѣ, воодушевляется. И „ему захотѣлось чего нибудь такого, что захватило бы его до забвенія самого себя, до равнодушія къ личному счастью, ощущенія котораго такъ однообразны“¹⁸⁾. Но развѣ нельзя было ему найти этого въ своемъ положеніи педагога: увлечся своею прямою дѣятельностью и такимъ образомъ выйти изъ круга личнаго счастья? И онъ, дѣйствительно старается успокоить себя этимъ своимъ положеніемъ: „ты педагогъ“, говоритъ онъ себѣ: „ты работаешь на благороднѣйшемъ поприщѣ... Какого же тебѣ еще нужно другого міра?“¹⁹⁾. Но это самоуспокоеніе не дѣйствуетъ. Сознаніе безыдейности своего дѣла отравляетъ ему настроеніе. „Для него уже было ясно, что покой потерянъ, вѣроятно навсегда и что въ двухъ—этажномъ домѣ счастье для него уже невозможно. Онъ догадывался, что иллюзія личнаго счастья изсякла и уже начиналась новая первная, сознательная жизнь, которая не въ ладу съ покоемъ и личнымъ

¹⁸⁾ „Учитель словесности“ X, 36 стр.

¹⁹⁾ Стр. 37.

счастьемъ ²⁰⁾). Желаніе начать эту сознательную жизнь въ немъ такъ сильно, что онъ готовъ бѣжать отъ своего узко-эгоистическаго счастья. Авторъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно осуществленія этого желанія Никитина, онъ только далъ намъ прочесть въ его дневникѣ слѣдующую запись: „Гдѣ я, Боже мой?! Меня окружаетъ пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные, люди..., глушья женщины. Нѣтъ ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, тоскливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума“ ²¹⁾).

Сознаніе безыдейности жизни можетъ такъ разстроить человѣка, что онъ становится почти больнымъ. Такова причина болѣзни Лизы Ляликовой (въ рассказѣ „Случай изъ практики“), дочери владѣлицы фабрики. Мать не жалѣвшая ничего на ея образованіе и воспитаніе, не могла сдѣлать ее счастливой. Болѣзненность дочери, ея бессонница, частыя слезы, совсѣмъ непонятныя матери, причиняли ей столько скорби, что приводили старуху въ отчаяніе. Многіе доктора лѣчили дочь Ляликовой, но только одному изъ нихъ (Королеву) удалось опредѣлить причину ея болѣзненности. Эта причина была нравственная:—пустота, безыдейность жизни. Лиза говоритъ Королеву: „Вѣдь у меня все время свободно, отъ утра до вечера. Днемъ читаю, а по вечерамъ—пустая голова, вмѣсто мыслей, какія-то тѣни“ ²²⁾).

Для доктора Королева „было ясно, что ей нужно поскорѣе оставить пять корпусовъ и милліонъ, если онъ у нея есть, оставить этого дьявола, который по ночамъ смотритъ“ ²³⁾, т. е. фабрику... Онъ объясняетъ ей причину ея бессонницы: Ляликова не вѣритъ въ свое право владѣть

²⁰⁾ Стр. 37.

²¹⁾ Стр. 38.

²²⁾ „Случай изъ практики“ XII т Стр. 12

²³⁾ 12. Стр.

фабрикой и потому беспокойна. Это хороший признак. Ея безсонница, по словам Королева, „почтенная“. Она показывает нравственную чуткость молодой души, не мирящейся съ тѣмъ, что-бы тысячи людей служили ей одной.

Сознаніе бесполезности и непригодности для жизни бываетъ такъ тяжело, что человѣкъ становится безсильнымъ нести бремя жизни и кончаетъ съ собой. Ивановъ (въ драмѣ того же названія). Отсутствіе любви къ дѣлу и вѣры въ него лишаетъ человѣка интереса къ жизни.

Отсутствіе жизненной идеи парализуетъ всѣ силы души и тѣла, и человѣкъ становится дряблымъ, совсемъ не пригоднымъ для жизни, хотя бы онъ былъ еще не старъ годами, или даже молодъ. Сознаніе своей бесполезности и непригодности для жизни бываетъ такъ тяжело, что нравственный банкротъ не въ силахъ бываетъ нести бремени жизни и кончаетъ съ собой. Такимъ нравственнымъ банкротомъ представленъ у Чехова Ивановъ въ драмѣ того же названія. Онъ говоритъ о себѣ: „Въ 30 лѣтъ уже похмѣлье. И старъ, я уже надѣлъ халатъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнливой душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что въ трудѣ нѣтъ смысла. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни... Погибъ безвозвратно!“²⁴⁾ Такой человѣкъ, „безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли“, не въ силахъ былъ жить и покончилъ съ собой: такъ невыносимо было для него сознаніе бессодержательности своей жизни, отсутствіе въ ней „вѣры, любви, цѣли“. Онъ говоритъ о себѣ: „Сознавать, что энергія жизни утрачена навсегда, что я заржавѣлъ, отжилъ свое, что я поддался слабодушію

²⁴⁾ „Ивановъ“ XIII т, 96—97 стр.

и по уши увязъ въ этой гнусной меланхолиі—сознавать это, когда солнце ярко свѣтитъ, когда даже муравей тащитъ свою ношу и доволенъ собой,—вѣтъ, слуга покорный!“ ²⁵).

Что же случилось съ Ивановымъ? Почему онъ, ясно сознавая необходимость энергичной жизни, понимая, что недостойно человѣка погрязать „въ гнусной меланхолиі“, когда во всей природѣ ключемъ бьетъ жизнь, почему онъ „заржавѣлъ“, утративъ энергію жизни навсегда? Вѣдь онъ, по его словамъ, „былъ горячимъ, искреннимъ, не глупымъ, работалъ за десятерыхъ“ ²⁶). Онъ еще не старъ: ему 35 лѣтъ. Причина его несостоятельности въ жизни, какъ онъ самъ объясняетъ, заключается въ надорванности, утомленіи. Онъ, будто, „не соразмѣривъ своихъ силъ, не зная жизни, взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; онъ спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, работалъ, не зная мѣры“ ²⁷). На чемъ же онъ сорвалъ свои силы? Какую тяжелую ношу взвалилъ онъ на себя? Повидимому, онъ говоритъ о какой-то общественной работѣ, въ которой принималъ участіе не онъ одинъ, но и другія интеллигентныя лица. Эта работа требовала, будто, особеннаго напряженія силъ при недостаткѣ общественныхъ дѣателей. „Я работалъ, не зная мѣры“, говоритъ онъ Лебедеву: „И скажи, можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ, какъ жестоко мститъ мнѣ жизнь, съ которой я боролся! надорвался я!“ ²⁸). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ болѣе опредѣленно, чѣмъ, именно, онъ надорвался: „Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проек-

²⁵) Стр. 93.

²⁶) Стр. 96.

²⁷) 96 стр.

²⁸) 96 стр.

ты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ... Все это мои мѣшки. Ввалили себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула²⁹⁾. Много мѣшковъ насчиталъ Ивановъ, но изъ нихъ больше половины пустыхъ.

Все то, что касается его личной жизни: не такъ какъ всѣ, онъ вѣровалъ и женился, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ направо и налево, при томъ неизвѣстно, на какія цѣли,—все это индивидуально-ограниченно и отчасти даже узко эгоистично. Гимназія и университетъ—это не обремененіе, а облегченіе жизни: прохожденіе ихъ въ годы развитія умственныхъ и тѣлесныхъ силъ prepares человѣка къ жизни, развивая его умственно. Благодаря имъ, человѣкъ можетъ легко разбираться во многихъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ жизни. Считать гимназію и университетъ какимъ то тягломъ, отъ котораго можетъ „треснуть спина“,—это значить быть Обломовымъ, который, когда Штольцъ приносилъ ему книги, какія надо прочесть сверхъ выученнаго, долго глядѣлъ, молча, на него и говорилъ со вздохомъ: „И ты, Брутъ, противъ меня!“³⁰⁾.

Остается хозяйство, школы, проекты. Но занятіе хозяйствомъ приносило матеріальную пользу, главнымъ образомъ, самому владѣльцу. Но допустимъ, что вмѣстѣ съ этой чисто личной цѣлью—извлеченіемъ доходности, преслѣдовалась и общественная польза въ культурно-аграрномъ отношеніи. Итакъ, земледѣльческая культура, народное образованіе, школы и какіе-то проекты, неизвѣстно о чемъ, но положимъ, что относительно двухъ указанныхъ сторонъ об-

²⁹⁾ 77 стр.

³⁰⁾ «Обломовъ». ч. I, стр. 76. (Изд. Маркса).

щественной дѣятельности—вотъ та непосильная ноша, которой не вынесъ Ивановъ.

Является вопросъ: дѣйствительно ли общественная дѣятельность въ указанномъ направленіи (т. е. улучшение крестьянскаго хозяйства и просвѣщеніе крестьянъ въ его начальномъ видѣ) была такъ непосильно тяжела, что сломила молодого, энергичнаго человѣка, или причина его несостоятельности въ жизни была другая?

Невозможно допустить, чтобы сравнительно несложная общественная работа, совершаемая въ простой, непритязательной средѣ, могла сама-по-себѣ, безъ какой-то другой причины, утомить, надорвать молодого, энергичнаго человѣка.

Какая же другая причина? Открыть ее не трудно. Стоить только обратить вниманіе на общечеловѣческое психологическое явленіе: все, что намъ дорого, что затрагиваетъ нашу душу, вызываетъ къ себѣ глубокий интересъ, то привлекаетъ насъ къ себѣ, заставляетъ насъ соответственнымъ образомъ направлять свою волю и дѣйствовать; наоборотъ, все малоинтересное, не затрагивающее нашей души, вызываетъ равнодушное отношеніе къ себѣ, даже тяготитъ насъ.

Ивановъ вышеуказанную дѣятельность свою называетъ тяжелыми мѣшками, нести эту дѣятельность ему было не по плечу, она тяготила его, тогда какъ по своему содержанию, какъ мы видѣли, его дѣятельность не представляла ничего сложнаго, невыполнимаго. Несомнѣнно то, что эта дѣятельность его, за которую онъ съ такимъ жаромъ принялся сначала, не захватила его души, не имѣла для него глубокаго интереса, и потому недостало у него силъ на продолженіе ея, ослабѣла его воля, не имѣвшая побудительнаго мотива къ осуществленію избраннаго дѣла. У Иванова не было сознанія идеи своего дѣла, вслѣдствіе этого не было любви къ дѣлу и вѣры въ него, а безъ этихъ

условій и жизнь потеряла для него всякій смыслъ. Это и выражено имъ въ словахъ: „Съ лѣнливою душою, утомленный, надорванный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу?“³¹⁾

При наличности вѣры въ дѣло, любви къ нему не можетъ быть такого состоянія надорванности, утомленности, душевной лѣности. Объ этомъ свидѣлствуетъ самъ Ивановъ: „Прежде я много работалъ и много думалъ, но никогда не утомлялся, теперь же ничего не дѣлаю и ни о чемъ не думаю, а усталъ тѣломъ и душой“³²⁾.

Очевидно, прежде онъ съ любовью относился къ своему дѣлу, вѣрилъ въ его полезность. Съ потерей этой вѣры и любви онъ почувствовалъ усталость не только тѣла, но и души. Такое состояніе было для него тяжело и невыносимо. „День и ночь болитъ моя совѣсть“, говоритъ онъ: „я умираю отъ стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человѣкъ, обратился не то въ Гамдета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди... Есть жалкіе люди, которымъ льстятъ, когда ихъ называютъ Гамлетами или лишними, но для меня это — позоръ! Это возмущаетъ мою гордость, стыдъ гнететъ меня и я стараюсь“. Это самоосужденіе Иванова убѣждаетъ насъ въ томъ, что состояніе безвѣрія въ смыслъ своего дѣла чувствуется человѣкомъ особенно тяжело.

Преподаватель дух. семинаріи *П. Алешковскій*.

(Продолженіе будетъ).

³¹⁾ Стр. 96.

³²⁾ Стр. 64.

На войнѣ.

Русскій солдатъ.

Живя вдали отъ военныхъ дѣйствій, мы никогда не сумѣемъ нарисовать правдивую картину всего того, что совершается на передовыхъ позиціяхъ. Особенно трудно намъ представить настроеніе дѣйствующихъ тамъ лицъ. Обыкновенно намъ рисуется картина какого-то сплошного ужаса, на фонѣ которой только и видны многопудовые чемоданы, разрывающіяся шрапнели, градъ пуль изъ ружей и пулеметовъ, летящія сверху бомбы и т. д. Соотвѣтственно этой картинѣ рисуется и положеніе на войнѣ участвующихъ во всемъ этомъ воиновъ: постоянное сознаніе витающей около тебя смерти, надрывъ сердца отъ стонувъ раненыхъ и умирающихъ, непрерывное нервное возбужденіе отъ ожиданія внезапнаго нападенія врага, — вотъ, то психическое состояніе, въ которомъ, какъ намъ кажется, ежечасно и ежеминутно живетъ солдатъ, дѣйствующій на передовыхъ позиціяхъ.

Такая картина не вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Конечно, фактическая сторона довольно близка къ правдѣ, но господствующее настроеніе на мѣстѣ военныхъ дѣйствій нѣсколько иное. Тамъ совершается великое, святое и въ то же время страшное дѣло, но совершается все не такъ нервно, возбужденно, какъ намъ кажется. Прислушайтесь къ рассказамъ непосредственныхъ участниковъ военныхъ дѣйствій, и вы почти никогда не услышите отъ нихъ описанія какихъ нибудь страшныхъ душевныхъ переживаній и необычайныхъ ужасовъ войны. Разказы раненыхъ солдатъ въ большинствѣ случаевъ отличаются изумительной прозаичностью, ночи полнымъ отсутствіемъ рѣзкихъ, сгущенныхъ красокъ. Солдатъ рассказываетъ о военныхъ подвигахъ съ такимъ-же спокойствіемъ, съ какимъ онъ

говорить о своихъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ. Даже тѣ изъ солдатъ, которые прославили себя выдающимися подвигами, рассказываютъ о нихъ, какъ о самыхъ обыденныхъ, заурядныхъ дѣлахъ. Если вы въ разговорѣ съ ними отмѣтите геройскую высоту ихъ подвиговъ, то они какъ будто не поймутъ васъ: въ чемъ же дескать тутъ особенный героизмъ, когда мы дѣлали только то, что нужно было дѣлать? Замѣчательно съ какою чуткостью солдаты отгадываютъ всякую нотку преувеличенія и самохвальства: если кто-нибудь изъ товарищей рискнетъ порисоваться своими подвигами, то на лицахъ всѣхъ присутствующихъ всегда можно подмѣтить выраженіе какой-то неловкости и стыдливости за несдержанность своего собрата; а если эта рисовка перейдетъ границы, то кто-нибудь постарается или оборвать разошедшагося товарища остроумнымъ словомъ или направить разговоръ на другую тему.

Конечно, я говорю только о русскомъ солдатѣ. Чѣмъ больше вы его наблюдаете, тѣмъ замѣтнѣе въ немъ выступаетъ свойственное русскому православному человѣку смиреніе; онъ положительно не способенъ возводить себя на степень героя, такъ какъ смотритъ на воинское дѣло, не какъ на особенный подвигъ, а какъ на естественный, хотя и тяжелый долгъ, какъ на страдную пору, которую такъ или иначе, а нужно пережить. Здѣсь наблюдается то же самое, что приходится видѣть въ разгаръ тяжелыхъ крестьянскихъ полевыхъ работъ: чтобы своевременно выполнить всю массу неотложнаго дѣла, крестьянину приходится вставать съ первымъ просвѣтомъ зари, ложиться зуть не въ полночь, жариться на солнцепекѣ, довольствоваться согрѣтою и иногда значительно испортившеюся водою, утомляться до полного изнеможенія и т. д.; но развѣ когда нибудь придетъ въ голову этому труженику мысль о томъ, что онъ дѣлаетъ что-то необычайное и сверхдолжное; нужно дѣлать,

онъ и дѣлаетъ безъ всякой думы, безъ всякихъ разсужденій и колебаній. Такъ, именно, относится русскій солдатъ и къ военной страдѣ: нужно напрягать все свои силы и умѣнье на борьбу со врагомъ, онъ и напрягаетъ.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго года Господь привелъ меня быть на самомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Видѣлъ я русскаго солдата и въ окопахъ, въ самомъ пеклѣ войны, видѣлъ и на отдыхѣ послѣ военныхъ операций. И тамъ и здѣсь онъ какъ бы намѣренно старается отвлечь свою мысль отъ военныхъ дѣйствій; тутъ нужно не разговаривать, а дѣлать то дѣло, которое для всѣхъ ясно и очевидно и о которомъ разсуждать не приходится. Разговоръ чаще всего вертится на самыхъ обыденныхъ и малозначущихъ предметахъ. Присматриваясь къ жизни солдатъ въ окопахъ во время передышекъ и прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, можно подумать, что ихъ больше занимаетъ забота о какихъ-нибудь портянкахъ, требующихъ просушки или полной реставраціи, чѣмъ борьба съ укравшимся въ окопахъ врагомъ. Но это только такъ кажется; на самомъ дѣлѣ все вниманіе солдата сосредоточено на коварномъ врагѣ и напряжено до послѣдней степени; малѣйшій шумъ и движеніе на вражеской сторонѣ моментально заставляютъ его встрепенуться, онъ весь превращается въ слухъ и зрѣніе; но замолкло движеніе, и солдатъ опять принимается за рѣшеніе глубоко-мысленнаго вопроса о подгулявшихъ сапогахъ и обносившихся портянкахъ.

Сознаніе своего долга, сознаніе необходимости отдать всего себя на борьбу со врагомъ такъ срослось со всѣмъ настроеніемъ русскаго солдата, что никакое порученіе, никакое требованіе, будь оно даже совершенно невыполнимымъ, не вызоветъ въ немъ колебанія и раздумія: приказываютъ, — стало быть сдѣлать это необходимо, раздумывать тутъ не о чемъ.

Однажды солдатъ разсказывалъ мнѣ о переправѣ бродомъ въ зимнее время черезъ рѣчку, подернувшуюся слоемъ льда. Сколько, казалось, нужно было рѣшимости, чтобы погрузиться въ оледенѣвшую воду, какую силу духа нужно было имѣть, чтобы побороть естественное колебаніе и страхъ передъ ледяной ванной! Но, повидимому, здѣсь даже и не было колебанія.

„Не легко, чай, было входить въ холодную воду“?— спрашиваю я разсказчика, думаю, что онъ сдѣлаетъ хотя нѣкоторый намекъ на пережитое чувство робости передъ погруженіемъ въ воду.

„Знамо дѣло, здорово ошпарило, ноги такъ и сводить судорогой; ну, а потомъ, какъ выбрались на берегъ, и пошли, чуть не бѣгомъ, инда паръ съ насъ валить“. На колебаніе передъ переправой не сдѣлано и намека.

Необходимо было переправиться, и переправились. Русскому человѣку и ледяная ванна не въ диковинку. Помню одинъ случай на Волгѣ; въ позднюю осень неожиданно грянулъ морозъ; за одну ночь около береговъ образовался слой льда, сковавшій, между прочимъ, часть запоздалаго плота строевого лѣса. Утромъ, смотрю, нѣсколько крестьянъ вошли въ воду и, не торопясь, начали выкатывать бревна на берегъ; работа длилась часа два. Не погибать же плоту: нужно было выкатать лѣсъ, и выкатали. Сознаніе необходимости выполнить намѣченную цѣль отодвигаетъ на задній планъ вопросъ о томъ напряженіи, которое для этого требуется.

Можетъ быть, и удивительная скромность русскихъ солдатъ-героевъ объясняется сознаніемъ этого „нужно и должно“. Вызываясь на самое опасное дѣло, ставя на карту свою жизнь, совершая геройскій подвигъ, русскій солдатъ смотреть на все это, какъ на обязательную для него задачу, которой онъ не можетъ и не смѣетъ не выполнить.

Можно ли гордиться подвигомъ, когда и всякій другой при тѣхъ же обстоятельствахъ сдѣлалъ бы то же самое?

Можетъ быть, возвратясь съ войны въ свою деревню, иной словоохотливый солдатикъ и не воздержится отъ искушенія пустить пыль въ глаза своимъ геройствомъ. Но въ средѣ своихъ товарищей по оружію, въ окопахъ ли, или на отдыхѣ въ резервѣ, или въ госпиталѣ, почти никто не рискнетъ выставлять на видъ свои подвиги: нельзя возводить себя въ герои передъ товарищами, когда каждый изъ нихъ способенъ на такой же подвигъ, на такое же геройство; только одному случай помогъ проявить свою храбрость, а другому нѣтъ.

При разсказѣ о какомъ-нибудь молодецкомъ дѣлѣ участникъ его всегда старается затушевать собственную личность. Припоминаю разсказъ одного такого молодца, получившаго за лихое дѣло георгіевскій крестъ.

„Сидѣли мы въ окопахъ; каждый день все одно,—здорово наскучило. Вотъ, разъ вечеромъ собрались вчетверомъ и задумали посмотрѣть, не бродятъ ли безъ пути поблизости нѣмцы. Ночь была не такъ ужъ темная. Съ ружьями ползкомъ добрались до плохенькаго перелѣска, а тамъ впередъ да впередъ; далече ушли отъ своихъ. Выглянули изъ перелѣска, смотримъ, крадутся человѣкъ пять—шесть. „Давай, братцы,—говоримъ,—понугаемъ ихъ маленько“. Выбѣжали мы изъ кустовъ и прямо на нихъ; оробѣли сердечные, и руки вверхъ, думали не вѣсть, сколько насъ. Ну отобрали мы у нихъ ружья и привели горемычныхъ въ наши окопы“.

— И всѣ получили, — спрашиваю, — георгіевскіе кресты?

„Нѣтъ, получилъ то я одинъ“, — какъ-то конфузливо отвѣчаетъ храбрець.

— Чѣмъ же ты показалъ особенную удачу?

„Царь Батюшка милости взыскалъ“.

Такъ и не добился, чѣмъ особеннымъ отличился онъ передъ своими товарищами: о своихъ заслугахъ въ средѣ солдатъ говорить не принято.

Еще одна особенность въ духовномъ складѣ русскаго солдата: это его необыкновенно спокойное отношеніе къ мысли о смерти. Присущая всякому живому созданію естественная боязнь смерти проявляется, конечно, и въ немъ; особенно новички на первыхъ порахъ переживаютъ очень тяжелыя минуты. Они и сами откровенно сознаются въ этомъ, не умѣя и не стараясь скрыть вполне понятнаго малодушія и робости. Но и это не столько боязнь смерти, сколько непривычка къ страшной обстановкѣ, къ грохоту орудій, разрывамъ шрапнелей, потокамъ крови, гибели товарищей. А потомъ все это становится обычнымъ, будничнымъ. Даже въ самыя тяжелыя минуты, когда жизнь дѣйствительно виситъ на волоскѣ, привычный солдатъ часто обнаруживаетъ поразительное самообладаніе и спокойствіе.

Живя въ царствѣ смерти, нельзя не думать о смерти. Но эта дума не давитъ русскаго солдата тяжелымъ гнетомъ, не навѣваетъ на него тоски и унынія, не парализуетъ его воли. „Рано или поздно, а умереть придется“. Опять и здѣсь это „нужно, неизбежно“. Смерть—это сонъ, за которымъ должно слѣдовать пробужденіе для новой певѣдомой жизни. Не страшенъ для насъ сонъ, зачѣмъ-же бояться и смерти? Русскій человѣкъ можетъ быть не умѣть жить, но онъ умѣетъ умирать, взирая на смерть взглядомъ мудреца, постигшаго ея тайну. Открытымъ, смѣлымъ взоромъ онъ смотритъ въ глаза смерти. Тѣхъ, „елицы страхомъ смерти, чрезъ все житіе, повинни бѣша работѣ“, и передъ наступленіемъ смертнаго часа стараются ободрить и успокоить обманомъ, неискреннимъ завѣреніемъ, что болѣзнь не опас-

на, что докторъ ручается за счастливый исходъ. Въ крестьянской средѣ о приближающейся смерти говорятъ прямо, откровенно; этимъ не смутить больного.

Какъ живой стоитъ предо мной худой, почти высохшій отъ чахотки, среднихъ лѣтъ крестьянинъ. „Что, дядя Семень? Видно весной-то придется отправить тебя подъ березки“ (т. е. на кладбище, обсаженномъ березами), спрашиваютъ его съ полуулыбкой случайно спешшіе односельчане. Безъ малѣйшаго смущенія, съ такой же полуулыбкой больной спокойно отвѣчаетъ: „да, видно не отвертѣться; хотѣлось бы только немножко подправить хату да обзавестись новой коровой для ребятишекъ“. Говорить такъ, какъ будто онъ собирается въ отлучку мѣсяца на два, на три. Удивительно спокойное отношеніе къ смерти! Таковъ и нашъ русскій солдатъ въ большей своей массѣ.

Кто же воспиталъ русскаго крестьянина и солдата въ этой преданности долгу, въ этой скромности и смиренія, въ этомъ безстрашии предъ лицомъ смерти? На какой почвѣ выросли эти прекрасныя черты его духовнаго облика? На почвѣ православія,—вотъ, единственно правильный, хотя и слишкомъ общій, отвѣтъ. Духовный ростъ и нравственное формированіе русскаго народа совершались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ православной вѣры и церкви. Но какъ шло и обнаруживалось это вліяніе, сказать въ краткихъ словахъ едва-ли возможно: однако, это такой сложный, важный и глубоко интересный вопросъ, что имъ стоило бы заняться со всѣмъ усердіемъ. Можетъ быть кто-нибудь и попытается. (Вѣст. воен. дух.).

Протоіерей А. Смирновъ.

Вниманію сельскаго духовенства.

Прежде чѣмъ побесѣдовать съ Вами, о.о. собраты, скажу нѣсколько словъ о себѣ.

Я—заштатный священникъ села Россошей Нижнедѣвицкаго уѣзда; уже почти 4 года я состою за штатомъ.

Хотя я исправляю часто требы за отсутствующихъ священниковъ, но только въ ближайшихъ селахъ, далеко я не могу отлучаться по старости и оставлять свою семью, домъ и хозяйство, но все же времени у меня свободнаго много.

Мнѣ думалось, что мои занятія не могутъ принести матеріальной пользы моимъ прихожанамъ, которымъ я служилъ 44 года и которымъ я много обязанъ за все, что они мнѣ давали на мое содержаніе.

А между тѣмъ хотѣлось, чтобы остальные дни своей жизни провести *не безъ пользы для моихъ прихожанъ.*

Долго я думалъ надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ такому заключенію, что нужно открыть въ селѣ *сельско-хозяйственное общество.*

Здѣсь нужно сказать, что у насъ въ селѣ есть уже церковно-приходское попечительство, потребительное и кредитныя общества, но въ нихъ я мало участвую.

Въ прошломъ 1914 году я предложилъ обществу нашего села о необходимости открытія въ селѣ сельско-хозяйственнаго общества. Жители согласились открыть это общество. Выписанъ былъ нормальный уставъ изъ Харькова. Этотъ уставъ въ двухъ экземплярахъ былъ представленъ на утвержденіе мѣстному Губернатору, съ приложеніемъ 4-хъ 75 коп. марокъ.

По утвержденіи Губернаторомъ устава, въ началѣ іюля прошлаго года собраны были члены учредители, ихъ долж-

но быть не менѣе 10 человекъ. У насъ ихъ было 16 чел., а членовъ записалось до 70.

Обыкновенно подается прошеніе Губернатору о разрѣшеніи на открытіе Сельско-Хозяйственнаго Общества отъ лицъ только однихъ учредителей.

Здѣсь нужно сказать: учредителями были лица изъ мѣстной интеллигенціи, въ числѣ ихъ—предводитель дворянства Коротоякского уѣзда Б. Н. Шатиловъ, а потомъ хорошо грамотные и сознательные крестьяне, больше изъ солдатъ.

Первое наше собраніе учредителей было утѣшительное. На немъ прочтенъ былъ уставъ, читаны были брошюры, выписанныя изъ Харькова вмѣстѣ съ уставомъ, велась бѣсѣда по дѣлу улучшенія сельскаго хозяйства и т. п. Здѣсь еще нужно сказать, что до того времени обыкновенно отъ Уѣзднаго Земства выдавались пособія по 100 руб. сельско-хозяйственнымъ обществамъ, отъ Губернскаго Земства 200 руб. и отъ Департамента Земдѣлія и Землеустройства 200 руб. А также давались заводчики: кони, быки, бараны и хряки. И даже выдавались средства на содержаніе этихъ животныхъ.

И вотъ, 19 іюля объявлена война. Почти всѣ наши учредители изъ крестьянъ даже и учитель земской школы, пошли на войну.

О денежномъ пособіи и о другомъ стало и нечего думать. Вышло дѣло очень плохо; положено было уплачивать каждому члену вступныхъ 50 коп. и ежегоднаго членскаго взноса по 25 коп., всего 75 коп. Члены и этихъ денегъ на половину не внесли. Собралось денегъ до 30 р. Что тутъ подѣлаешь съ этими средствами, да безъ людей учредителей, на которыхъ больше и была надежда?!...

Но, къ счастью нашему, мѣстный агрономъ отъ Департамента Земледѣлія и Землеустройства, Иванъ Ивано-

вичъ Носовъ принялъ дѣятельное участіе въ нашемъ с.-х. вновь открытомъ такъ неудачно обществѣ.

Агрономъ этотъ недавно окончилъ ученіе и самъ говорилъ, что хочется поработать пока не станешь чиновникомъ 20 числа. И въ правду,—онъ работаетъ. Онъ работаетъ въ одномъ прежде насъ открытомъ с.-х. обществѣ и въ другихъ кооперативахъ, усердно работаетъ и въ нашемъ с.-х. обществѣ. Прежде всего зимою онъ прочелъ лекцію съ волшебнымъ фонаремъ въ мѣстной земской, довольно обширной школѣ по сельскому хозяйству. Эта лекція прошла очень хорошо и не осталась безъ послѣдствій, о чемъ будетъ рѣчь послѣ.

Далѣе: агрономъ этотъ представилъ нашему с.-х. обществу сельско-хозяйственныя орудія стоимостью до 800 р., т. е. открылъ у насъ прокатный пунктъ, который находится въ моемъ завѣдываніи, а также открылъ показательное поле на землѣ одного крестьянина; часто бываетъ на собраніяхъ Совѣта и собраній нашего с.-х. общества. Онъ даже исходатайствовалъ деньги, употребленныя нашимъ с.-х. обществомъ за доставку орудій, хлопочетъ о пособіи нашему обществу. И вотъ жители нашего села прежде всего привозили ко мнѣ въ ригу сѣмена посѣвыя для очищенія: пшеницу, овесъ и просо.

Жаль, что овса мало пришлось очищать, потому что запоздано было время доставки намъ орудій. А тутъ сельчане не всегда охотно идутъ на „новшества“. Нѣкоторые говорятъ, что они и безъ этихъ новшествъ прежде ѣли хлѣбъ. Забывая, что земля прежде не была такъ истощена, что и земли было больше, а ѣдоковъ меньше и т. п.

Сперва была положена плата по 1 коп. съ пуда очищеннаго зерна, а потомъ, чтобы приучить жителей, рѣшено было очищать хлѣба и пользоваться всѣми орудіями бесплатно.

Очищать сѣмена привозили многіе, а также пахалось плугами, но опять рядовымъ посѣвомъ, — сѣялками не многіе. И результатъ посѣва рядоваго вышелъ очень хорошій, особенно проса. Въ это лѣто по причинѣ дождей было много сору въ посѣвѣ и соръ этотъ очень трудно было выполоть, а при рядовомъ посѣвѣ маленькими тяпочками, для того много особенно изотовленными, — полоть удобнѣе. И самое просо вышло по рядовому посѣву лучше. Оно должно быть лучше уже по одному тому, что на посѣвѣ его употреблены были очищенные сѣмена, не такія, какъ обыкновенно, высѣвають сельчане.

Здѣсь считаю нужнымъ сообщить объ одномъ обстоятельстве. Лѣтъ 15 тому назадъ, когда приходилось слышать жалобу нашихъ прихожанъ на мало-земелье, я говорилъ, что хотя земли у насъ меньше стало, чѣмъ было прежде по количеству жителей, но можно сдѣлать, что ея будетъ и больше, если мы будемъ пахать ее не такъ, какъ принято у насъ, т. е. если мы будемъ пахать не сохами, а плугами. Теперь вѣдь, говорилъ я, пашется только одинъ верхній слой земли не болѣе, какъ на 1¹/₂ вершка. Этотъ слой земли уже истощенъ, нужно доставать новый, т. е. пахать плугами, что давно уже практикуется за границею и въ нашихъ экономіяхъ.

Нѣкоторые прихожане, въ томъ числѣ и я самъ, купили плуги и стали пахать плугомъ. Но что же вышло? Хлѣбъ въ первый годъ по землѣ, вспаханной плугомъ, родился плохо и особенно былъ плохъ хлѣбъ у одного трудолюбиваго крестьянина, Михаила Геранина, по уличному Рантки, теперь уже умершаго. Онъ усердно, очень глубоко пахалъ подъ посѣвы свои. И наши крестьяне пришли къ такому заключенію, что плугами не стоитъ пахать, что наша земля нейдетъ для того и побросали плуги, взялись опять за сохи.

И вотъ, когда агрономъ читалъ намъ лекціи, онъ объяснилъ намъ, что въ первый разъ не слѣдуетъ глубоко пахать плугомъ, а нужно постепенно углублять пахоту такъ: если сохою было пахано на $1\frac{1}{2}$ вершка, то плугомъ въ первый разъ нужно пахать на $2\frac{1}{2}$ вершка, а въ другой разъ на $3\frac{1}{2}$ вершка и т. д.

Дѣло въ томъ, что выпашанный въ первый разъ слой земли еще бываетъ неспособенъ для произрастания всего посѣяннаго на немъ, онъ долженъ прежде всего подвергнуться вліянію солнечному и вообще атмосферному.

Вотъ причина, почему плохо у насъ родился хлѣбъ послѣ первоначальной вспашки плугами.

Послѣ рѣчи агронома одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „Когда были куплены плуги нѣкоторыми нашими жителями и въ томъ числѣ и вами, однажды я выѣхалъ въ поле сѣять пшеницу. Моя нива была подлѣ вашей. Ваши работники на вашихъ лошадяхъ плугомъ очень глубоко вспахали, а я вспахалъ по обычаю сохою. И что же вышло?

Я тогда подумалъ, что у васъ и безъ дождя непременно родится хорошо хлѣбъ, уже очень хорошо вспахано было. Пошелъ я посмотреть пшеницу и оказалось, что у меня пшеница была очень хороша, а у васъ очень плохая. И выходитъ, что вѣкъ живи, вѣкъ учишься и все умрешь дуракомъ“.

Еще зимою прочтена была у насъ лекція по садоводству губернскимъ инструкторомъ.

Лекція эта прослушана была съ охотою, особенно мѣстными садоводами, ихъ у насъ не мало.

Затѣмъ инструкторъ этотъ представилъ мнѣ какъ предсѣдателю с.-х. общества, опрыскиватель, а также и составы, чѣмъ нужно опрыскивать деревья и еще привезъ мнѣ та-

бачной пыли для уничтоженія насѣкомыхъ, которыя бвываютъ на капустѣ.

А агрономъ привозилъ нѣсколько сѣмянъ для посѣва: арбузовъ, огурцевъ, дынь, тыквъ, рѣдьки и т. п. и все это бесплатно. А также агрономъ раздавалъ бесплатно сѣмена, вики и люцерны, послѣдняя стоитъ 16 руб. за пудъ.

Теперь агрономъ хлопочетъ, чтобы было ассигновано пособие нашему с.-х. обществу отъ Департамента Земледѣлія и Землеустройства. Есть надежды. Есть надежда, что будутъ у насъ и заводчики.

Но, къ сожалѣнію, и этого нашего благодѣтеля агронома призываютъ на военную службу. Очень жаль его, большее ему спасибо, а также и инструктору по садоводству.

Желательно было бы, если бы сельское духовенство обратило вниманіе на улучшеніе сельскаго хозяйства вообще и въ частности на открытіе сельско-хозяйственныхъ обществъ, что можетъ принести пользу какъ ему самому, такъ особенно прихожанамъ, что послужитъ уплатою имъ за все, тѣмъ мы отъ нихъ пользуемся.

Защитный священникъ *Василій Дроздовъ.*

Командиръ о своемъ солдатѣ.

Нами уже сообщалось о геройской кончинѣ добровольца Олимпіева Дмитрія, бывшаго воспитанника семинаріи. Теперь приводимъ отзывъ командира объ этомъ героѣ. „Сынъ Вашъ Дмитрій, пишетъ Командиръ отцу убитаго героя, убитъ пулею, находясь въ полевомъ караулѣ 20 февраля... Я съ чувствомъ любви и уваженія къ доблести Вашего покойнаго сына до сихъ поръ не могу примириться съ утратой, которую понесла наша военная семья—рота. Сынъ Вашъ участвовалъ со мною во всѣхъ бояхъ, всегда былъ

первымъ охотникомъ на всякую опасность. Всѣ мы одинаково скорбимъ о потерѣ... Я счастливъ передъ Вами—отцемъ скромнаго воина—засвидѣтельствовать его беззавѣтную храбрость и безропотно перенесенныя невзгоды тяжелой войны. Похороненъ сынъ Вашъ на кладбищѣ у села Лысакова Цѣхановскаго уѣзда. На могилѣ поставленъ крестъ.

Свидѣтельствую Вамъ, семьѣ Вашей, воспитавшей храбраго солдата, мое искренне почтеніе.

Командиръ 1-й роты Капитанъ *Нехорошевъ*.

Вотъ лучший памятникъ, который воздвигъ себѣ юный герой.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Епархіальныхъ Вѣдомостей былъ напечатанъ призывъ Воронежскаго Церковнаго Историко-археологическаго Комитета къ духовенству присылать Комитету свѣдѣнія, рисующія участіе духовенства въ настоящей войнѣ.

Я поддерживаю этотъ призывъ и усерднѣйше прошу духовенство откликнуться на него.

О.о., присылайте все, что такъ или иначе отвѣчаетъ на призывъ: письма, воспомнанія, дневники, біографіи участниковъ (изъ духовнаго сословія) войны и т. д. Если подлинники дороги и ихъ прислать нельзя, высылайте копіи. Почтовые расходы будутъ оплачены.

Помню: какъ грустно и больно было, когда всѣ посланки Комитета и, въ частности, мои найти свѣдѣнія, рисующія участіе воронежскаго духовенства и воспитанниковъ дух.-учебныхъ заведеній въ Отечественной войнѣ, кончилась почти ничѣмъ: свѣдѣній, рисующихъ всесторонне участіе духовенства въ Отечественной войнѣ, почти не нашлось.

Да не повторится и теперь этого!

Откликнитесь же!

Преподаватель Д. Семинаріи *Т. Олейниковъ*.

Письмо изъ окоповъ.

Кувшиновскій учитель церковной приходской школы Семень Недѣлкинъ, Острогожскаго уѣзда, взятый по мобилизаціи рядовымъ и произведенный въ офицерскій чинъ, находится въ окопахъ. Шлетъ привѣтъ своей родинѣ, своему уважаемому школьному Епархіальному и уѣздному начальству, всѣмъ сослуживцамъ, знакомымъ, товарищамъ по службѣ и всѣмъ роднымъ и проситъ ихъ помолиться Богу о его здоровьи и дарованіи русскому оружію побѣды надъ лютымъ врагомъ Россіи.

Уважающій васъ учитель Кувшиновской церковно-приходской школы Острогожскаго у. *Семень Недѣлкинъ.*

Чудесныя исцѣленія воиновъ.

Въ одинъ Петроградскій лазаретъ былъ доставленъ на излеченіе сибирскій стрѣлокъ Павелъ Космановъ, раненый въ руку въ одномъ изъ декабрьскихъ сраженій при рѣкѣ Б.

Пораненіе его произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда начался бой, Космановъ, сражаясь мужественно съ непріателемъ, захватилъ непріятельскій пулеметъ ¹⁾.

По доставленіи своего боевого трофея по начальству, онъ вернулся въ свою часть и затѣмъ, вмѣстѣ съ полкомъ пошелъ въ атаку на противника.

Атака сибиряковъ была стремительная.

Отступая, противникъ не жалѣлъ снарядовъ. Между прочимъ, одинъ изъ снарядовъ упалъ недалеко отъ Косманова и, разорвавшись, ранилъ его въ руку.

¹⁾ Сообщеніе профессора петроградскаго университета, магистра богословія, протоіерея В. Г. Рождественскаго.

Космановъ свалился и впалъ въ забытье, а когда очнулся, то не могъ слышать и говорить.

Раненаго и глухонѣмого сначала направили въ Ново-георгиевскій госпиталь, затѣмъ въ Варшаву, а потомъ въ Петроградъ.

Его раненіе въ общемъ было не серьезно, и потому вниманіе врачей было обращено главнымъ образомъ на излѣченіе глухонѣмоты. Однако, что врачи ни предпринимали, глухонѣмота не поддавалась лѣченію.

Такъ продолжалось до первой недѣли Великаго поста, когда Космановъ изъявилъ желаніе отговѣть.

Ему предоставили возможность бывать въ университетской церкви.

Въ субботу, 7-го февраля, онъ явился въ церковь, чтобы причаститься.

Когда началось причащеніе говѣльщиковъ и Космановъ очутился лицомъ къ лицу съ іеромонахомъ Виталіемъ, державшимъ въ рукахъ Чашу съ Дарами, онъ заволновался.

По губамъ іеромонаха онъ догадался, что спрашиваютъ какъ его имя.

Онъ силился отвѣтить, но это ему не удавалось.

— Какъ твое имя?—еще разъ, болѣе громко, чѣмъ прежде, спросилъ его о. Виталій.

И тутъ въ присутствіи многихъ лицъ совершилось то, что вѣрующіе люди называютъ чудомъ.

Космановъ ясно произнесъ:

— Иавель...

Возвратъ рѣчи и слуха къ глухонѣмому при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ произвелъ на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе.

Но больше всѣхъ, конечно, былъ изумленъ и растроганъ совершившимся самъ Космановъ, вдругъ обрѣвшій даръ рѣчи и способность слышать.

Иеромонахъ Виталій тутъ-же поздравилъ причастника съ чудеснымъ исцѣленіемъ, а затѣмъ, по окончаніи богослуженія, составилъ надлежащій объ этомъ актъ, какъ о событіи въ церковной жизни исключительнаго значенія.

Въ лазаретѣ Косманова тоже ждало поздравленіе со стороны его товарищей, изумленныхъ чудомъ, и за эти поздравленія недавній глухонѣмой уже ясно, какъ здоровый человѣкъ, выражалъ свою благодарность.

Нынѣ онъ на пути полного выздоровленія и недалекъ тотъ день, когда онъ выпишется изъ лазарета, какъ вполне оправившійся отъ своей болѣзни. (Лист. для Народа).

По молитвамъ св. Василія Рязанскаго.

10 іюня, въ день памяти перенесенія мощей св. Василія, епископа Рязанскаго, — по свидѣтельству протоіерея г. Рязани М. Н. Лебедева, — получила исцѣленіе у мощей святителя дочь крестьянина села Михайловскаго, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, Ивана Боровцова, Марія, прибывшая 8 іюня въ Рязань съ своею матерью.

У больной парализованы были руки и ноги. Она не могла ни владѣть руками, ни ходить, ни даже сидѣть, а постоянно лежала недвижимо на животѣ или на спинѣ. Въ такомъ состояніи дѣвочка, по словамъ матери, находилась цѣлый годъ. До 5 лѣтняго возраста Марія была здорова, но потомъ заболѣла; отъ чего приключилась съ ней такая болѣзнь — не знаютъ. Обращались къ докторамъ, живущимъ въ г. Богородицкѣ, но доктора лѣчить отказались.

Бывши на богомольѣ въ Софійскомъ монастырѣ Данк. уѣзда она рассказала о болѣзни дочери священнику А. І. К., который далъ ей совѣтъ съѣздить въ Рязань къ 10 іюня помолиться у раки св. Василія, епископа Рязанскаго, почивающаго въ кафедральномъ соборѣ.

Во время всеобщаго бдѣнія, совершеннаго преосвященнымъ Дмитріемъ, больная съ матерью приложилась къ ракъ мощей святителя и была помазана елеемъ. Послѣ этого дѣвочка почувствовала, что руки и ноги ея окрѣпли и она ухватилась руками за рѣшетку около раки святителя и стала переступать ногами. На слѣдующій день, послѣ крестнаго хода, совершеннаго изъ собора къ Борисоглѣбской церкви, къ памятнику на мѣстѣ погребенія святителя Василія для служенія молебна съ водосвятиемъ дѣвочка сама обошла вокругъ памятника и затѣмъ шла оттуда въ соборъ къ литургіи, поддерживаемая матерью и сопровождавшею ее крестьянкою Бородиною. Участвовавшіе въ крестномъ ходу, вида малютку, еще не совсѣмъ твердо ступавшую, замѣчали: вотъ большая дѣвочка. а ходить не умѣетъ. (К.)

Къ свѣдѣнію духовенства.

Предстоящія бесѣды и чтенія: въ Новохоперскомъ у. на отрубномъ участкѣ № 3 подѣ Новохоперскомъ въ помѣщеніи земской школы 29 августа и 30-го августа состоятся миссіонерскія бесѣды съ сектантами адвентистами. Начало бесѣдъ съ 2 час. дня. Бесѣды проведетъ Л. З. Кунцевичъ. Темы бесѣдъ: о субботѣ, о молитвѣ за умершихъ и др.

Въ г. Павловскѣ въ залѣ Павловскаго Духовнаго Училища 6-го сентября въ 6 час. веч. Л. З. Кунцевичъ предложитъ чтеніе: О почитаніи св. угодниковъ Божіихъ.

8-го сентября тамъ же состоится открытіе Отдѣленія Всероссійскаго Братства имени Св. Іоасафа. Въ 6 час. вечера Л. З. Кунцевичъ предложитъ чтеніе: Житіе Св. Іоасафа. Значеніе Братствъ и паломничества.

Приглашается духовенство и ревнители.

Воронежскій Епархіальный Миссіонеръ Л. З. Кунцевичъ.

Отъ Ректора Семинаріи.

Ректоръ Воронежской Духовной Семинаріи Архимандритъ Серафимъ покорно проситъ присылать денежные взносы на содержаніе воспитанниковъ и на нужды Семинаріи, исключая взноса на братство вспомошествованія бѣднымъ воспитанникамъ и Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей, не на его имя, а на имя Правленія Семинаріи съ точнымъ указаніемъ класса, имени и фамиліи ученика, за содержаніе котораго присылаются деньги.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Смыслъ жизни по сочиненіямъ А. П. Чехова.—Преподавателя дух. семинаріи *П. Алексковскаго*.

На войнѣ.—Протоіерея *А. Смирнова*.

Вниманію сельскаго духовенства.—Завѣтнаго священ. *Василія Дроздова*.

Командиръ о своемъ солдатѣ.—Преподавателя Д. Семинаріи *Т. Олейникова*.

Письмо изъ окоповъ.

Чудесныя исцѣленія воиновъ.

По молитвамъ св. Василія Рязанскаго.

Къ свѣдѣнію духовенства.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ*

Печатать дозволяется. 9 августа 1915 г. Цензоръ Протоіерей *А. Спасскій*.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и К^о», В. Дворянская ул. д. Самова